

Кто такие «чужаки»?

Постмодернистская Европа освобождается от «бремени белого человека», смотрит на Новое время со стороны, видит его ограниченность и готова учиться у примитивных и архаических культур, шедших другим путем. Запад хочет остановиться и оглянуться, использовать досуг, который ему дало развитие, для поисков духовных ценностей, которые буржуазное развитие скорее отымало. А в это время Восток, расшевеленный, вступивший на путь модернизации, корчится в муках социальных и национальных конфликтов, не дающих покоя ни ему, ни остальному миру. Волны ксенофобии бегут назад, к рубежам, у которых они некогда родились, вызывая и здесь отклики – воспоминания полумертвых антагонизмов: фламандско-валлонского, шотландско-английского. Католики Ольстера вспомнили поражение, понесенное в XVII веке, и пытаются взять реванш с помощью террора. Ожили старые болячки и в нашей стране. В этой обстановке всякая прямолинейность опасна. И прямолинейное западничество с его недооценкой местных традиций, и прямолинейное почвенничество, посыпающее солью раны народов, полученные в недавнем и давнем прошлом.

Чужаки

Чужаки вообще играли большую роль в развитии, начиная с древности. Об этом написал большую интересную статью немецкий социолог Г. Айзерман. Он выводит из психологии эмигранта, беспочвенного человека, многие интересные явления и на Западе; например, Соединенные Штаты – страна эмигрантов, порвавших со старым порядком и рассчитывающих только на себя, на свои собственные руки и ум. «Чужой, – цитирует Айзерман Георга Зиммеля, – по самой своей природе не владеет землей, причем землю надо понимать не только в физическом смысле, но также в переносном смысле жизненной субстанции, фиксированной... в идеальном пространстве общественного окружения». Таким образом, «земля» Зиммеля – примерно то, что Достоевский назвал «почвой».

Поиски безопасности, обеспеченности вызывают у «беспочвенного» эмигранта повышенное стремление к успеху, к личным достижениям. «Чужак становится проводником идеологии успеха, необходимой для экономического развития... Будет ли он торговцем или производителем, все равно, – чуждость своему окружению, во многом тяжелая, одновременно открывает ему (как обратная сторона медали) и такие возможности, которых лишены люди окружающего общества, подчиненные господствующим традициям и нормам...»

Чужаки приспособляются к новому окружению, не подчиняясь ему, а развивая способности, которых на новой родине не хватает, дополняя сложившееся разделение труда. У себя, на старой родине, они могли бы быть не очень предприимчивы, могли безоговорочно подчиняться традиции. На новой родине они ведут себя иначе. В результате из китайских кули, привезенных для работы на плантациях и на рудниках Малайи, вырос целый слой миллионеров.

Одновременно (хотя Айзерман об этом не упоминает) выдвинулся слой малайских интеллигентов китайского происхождения. Таким образом, возникли социальные группы, подобные евреям-купцам и евреям-интеллигентам в России начала XX века. В Малайе и в Индонезии, на Филиппинах, в Камбодже и Таиланде, в странах Африки – повсюду возникает энергичная диаспора, подталкивающая развитие. Возникает почти что из ничего, из нищих и безграмотных кули, вывезенных для работы на плантациях, и из полунитичих эмигрантов, приехавших попытать счастья. Это один из самых поразительных фактов в истории модернизации Африки и Азии.

Именно потому, что в слаборазвитых странах не хватает технических знаний и способностей, быстрого использования экономических возможностей, административных талантов и упорства, – эти черты становятся характерными для чужаков. И в ходе социальных сдвигов некоторые группы чужаков стремительно выдвигаются вперед.

В Африке наряду с этим процессом происходит еще один, параллельный: облачко диаспоры

выделяют местные народности, оказавшиеся более динамичными, чем их соседи. Судьба этих пионеров модернизации оказывается иногда довольно тяжелой.

Айзерман считает выдвижение чужаков выгодным для развития. Однако коренное население страны обычно рассуждает иначе. Успехи чужаков ассоциируются в его сознании, прежде всего с негативными сторонами социальных сдвигов, с разрушением привычных ценностей и отношений. Традиционное отвращение к чужому, тысячелетиями воспитывавшееся в племенных и застойных крестьянских обществах, неоднократно вспыхивало и в Европе. Однако в современной Африке и Азии ксенофобия горит особенно ярким пламенем. Чем быстрее темпы экономического развития, тем меньше крестьянские общества умеют своевременно приспособиться к нему, тем выгоднее условия для выдвижения чужаков и тем больше ненависть к ним. Ненависть к «азиатским чужакам» даже превосходит ненависть к колонизаторам. И правительства недавно освободившихся стран охотно идут навстречу народным чувствам.

В этих условиях «три главнейших требования, которые сегодня выдвигаются в слаборазвитых странах, – требование национального достоинства, экономического развития и социального обеспечения, – в первую очередь заострены против чужаков» (Айзерман). Экономически и интеллектуально целесообразное разделение труда разрушается, и развитие терпит серьезный ущерб.

Почему же в Англии все было иначе? И там зачинщиком научно-технического и экономического развития выступили меньшинства, правда, на первый взгляд религиозные меньшинства, течения и секты, порвавшие с англиканской церковью. Но если присмотреться, окажется, что религиозное деление в какой-то мере совпадало с этническим: среди сектантов преобладали шотландцы. Почему же выдвижение шотландцев не вызвало ничего похожего на страсти, сопутствовавшие выдвижению китайцев в Индонезии и Малайзии, индийцев в Кении, народности ибо в Нигерии?

Ссылку на уровень цивилизации следует отвести. Немцы – народ, стоящий на очень высоком уровне цивилизации, но во второй четверти XX века они вели себя скорее как хауса, громившие мелких торговцев ибо, чем как англичане. Решили какие-то другие обстоятельства.

Одно из этих обстоятельств – то, что особую ненависть английской черни вызывало меньшинство, не имевшее ничего общего с модернизацией, – католики, паписты, которых и правительство беспощадно преследовало по различным политическим соображениям. Католики воспринимались как вредные чужаки и иногда вынуждены были эмигрировать. Напротив, сектанты, еще более решительные противники папизма, чем англикане, воспринимались как свои чужаки, как члены единой британской нации. Такими же членами единой британской нации были шотландцы. Сами шотландцы могли временами остро переживать свою этническую особенность, но с точки зрения англичанина они почти свои (примерно как украинцы для русского). И выдвижение шотландцев так же мало раздражало, как, скажем, выдвижение графа Безбородко – коренных русских дворян.

Ксенофобия вообще резко различает своих чужаков (с которыми она готова побрататься) и чужих чужаков. Можно это подтвердить любопытным примером из современной американской жизни. Статистика показывает, что высшее образование в США активнее всего стремятся приобрести евреи, шотландцы и итальянцы. Примерно 80 процентов американских евреев и 50 процентов итальянцев дают своим детям высшее образование. Это гораздо больше, чем в Израиле или в Италии. Но у себя на родине есть много возможностей занять уважаемое место и без диплома, а в США диплом – самое надежное средство превратиться из грязного еврейчика или грязного итальяшки в почтенного доктора наук. Шотландцы стоят на втором месте – впереди итальянцев, но чернь замечает только евреев и итальянцев.

Остается, однако, проблема еврейского меньшинства в Англии. Почему, когда Дизраэли стал министром, это взволновало только Достоевского, а когда министром стал Вальтер Ратенау, известная часть германского офицерства приняла это как пощечину, и Ратенау застрелили?

Можно заметить, что евреев в Англии было несколько меньше, чем в Германии; однако папистов в

Англии тоже было мало – что не мешало их ненавидеть. Можно заметить, что процесс развития в Англии был более плавным, менее болезненным, чем в Германии; однако совсем безболезненным он все же не был; массы и в Англии, доведенные до отчаяния, иногда подымались на бунт, на погром, но погромы не имели этнического характера. Разбивали машины, а не витрины еврейских лавок.

Мне кажется, что одной из причин такого различия между западной Англией и незападной (в нашей схеме) Германией была литературно-идеологическая традиция. Она окрашивала поведение если не самих люмпенов, то, во всяком случае, тех, кто мог стать во главе их и создать «движение». Политический антисемитизм существует в Германии с 1815 года, то есть появляется почти одновременно с немецким почвенным романтизмом и, конечно, в связи с ним. Две формы ксенофобии – шовинизм, направленный против другой страны, другой земли, и диаспорофобство, направленное против активных национальных меньшинств, – психологически тесно связаны и легко переходят одна в другую. Поэтому французский штамп, господствовавший в воспитании немцев со времен наполеоновских войн, подготовил почву для жидоедского штампа, получившего приоритет, когда понадобилось найти внутренних виновников поражения 1918 года, тягот «рационализации» и других язв. Таким же образом ненависть, вызванная империализмом и колониализмом, создаст почву для экспроприации индийцев в Кении, резни китайцев в Индонезии и других печальных явлений.

Там, где есть почвенничество, всегда возможен взрыв погромной активности. Почвенничество нельзя примитивно истолковывать как идеологию погрома, но нельзя закрывать глаза на то, что погром – одно из возможных следствий почвенного романтизма так же, как террор – одно из возможных следствий Просвещения. Например, террор Великой французской революции:

Это все революции плод,
Это ее доктрина.
Во всем виноваты Жан Жак Руссо,
Вольтер и гильотина.
(Г. Гейне, перевод Ю. Тынянова)

Что касается цивилизации, то она не мешает ни террору, ни погрому. Скорое напротив: школа и книга сыграли большую роль в распространении патриотических и других идей, «сужающих сердце», и в подготовке цивилизованного варварства, – как в реакционной Германии, так и в прогрессивном афро-азиатском мире. Носителями крайних форм ксенофобии являются не феллахи, а интеллигенты, люди грамотные, умеющие читать и даже писать книги. Советский исследователь Б.Б. Парникель изучил 400 малайских рассказов и выделил сцены, в которых действовали китайцы. Образ китайца в малайской литературе поразительно близок к образам евреев в «Молодой гвардии». И так как реально евреи и китайцы совсем не похожи, то можно только удивляться стандартности представлений, созданных ненавистью.

Стоит обратить внимание еще на одно обстоятельство. В психологии погрома всегда есть комплекс неполноценности, который компенсируется агрессией. У англичан комплекса неполноценности не было, скорее был комплекс сверхполноценности. Поэтому лидер английских фашистов Мосли не мог найти в душах своих соотечественников той болезненной жилки, которая с трепетом откликалась у немцев на речи Гитлера. Англичане, пришедшие на митинг, возмущались и били – не евреев, а Мосли и его немногочисленных сторонников. Это, конечно, не прирожденная, а исторически воспитанная черта, следствие многих веков, прошедших без национальных и социальных унижений, без иностранных завоеваний (с XI века) и крепостного права.

Подводя итоги, хочется поставить вопрос: почему в XIX веке прогрессивными называли страны, в которых не было диаспорофобства (Англия, например) или где диаспорофобство, вспыхнув, встречало массовое же сопротивление, – например, борьбу за оправдание Дрейфуса во Франции? Почему, напротив, в XX веке прогрессивными считаются страны, в которых национальные меньшинства подвергаются законодательным ограничениям и становятся жертвами погромов?

Прежде всего установим факты. Китайцев сравнительно мало притесняют на Филиппинах – и режут

при всех режимах и всех сменах режима в динамической Индонезии; индийские лавочники продолжали свой бизнес в ЮАР под защитой апартеида, который их ограничивал и унижал, но не экспроприировал, как класс, а из освободившейся Кении их высылают. В умеренном когда-то Тунисе попытка еврейского погрома, предпринятая в июне 1967 года, была сурово подавлена, а в левобаасистском Ираке введены были специальные антиеврейские законы, и казни евреев превращались во всенародный карнавал (нетрудно заметить связь этой диаспорофобии с внешнеполитической агрессивностью).

Разумеется, обязательной связи прогрессивных движений с диаспорофобством нет, но она достаточно часто встречается. Как это можно объяснить?

В XIX веке прогресс захватывал западные нации в целом и ассимилировал меньшинства в едином, быстро развивающемся национальном коллективе. В XX веке прогресс создает в незападных странах этнические анклавы и сталкивает их с медленно развивающейся крестьянской и ремесленной массой – это создает конфликты. Важно и то, что афро-азиатские страны хранят живую память перенесенных национальных унижений. Их европейская аналогия – скорее Германия, старые раны которой были растравлены Версалем, чем Англия. Но даже самые крайние европейские примеры не идут в сравнение с тем глубоким и недавним оскорблением национального достоинства, которое нес с собой колониализм. Как ни возмущали немцев союзники, как ни раздражало итальянцев австрийское господство, они никогда не наталкивались на надписи: «Собакам и немцам (или итальянцам) вход воспрещен». Все это в прошлом, но прошлое, если растравлять его, очень живуче. Во время мусульманских погромов в Гуджарате некоторые образованные индийцы, читавшие книжки по истории, говорили о реванше за проигранную тысячу лет назад войну с тюркскими завоевателями. Реванш заключался в том, что хамски оскверняли мечети и могилы мусульманских святых и около тысячи человек вырезали.

В социальном отношении афро-азиатские массы едва вышли – и часто не совсем еще вышли – из положения, близкого к рабскому. А рабство, как говорил еще Гомер, отнимает у человека лучшую часть его доблестей. Нужны десятки, а может быть, и сотни лет уважения к гражданским правам, чтобы воспитать чувство неприкосновенности человеческой личности.

Наконец, последнее по счету, но не по важности: стремясь сплотить нацию, многие правительства и партии афро-азиатских стран прямо поощряют ксенофобию. Особенно этим злоупотребляют диктаторские режимы. Сталинская политика «борьбы с космополитизмом» – отнюдь не исключение. Игроки, видящие на один ход вперед, не предполагают, что отдаленные последствия политики «козла отпущения» могут обрушиться на тот народ, который таким образом сплачивают. Раньше писали об осквернении еврейского кладбища. Сегодня уже оскверняют русские кладбища, и русские бегут от погромов.

Померанц Г. «Знамя», М., 1991, № 11, с. 183–187.